

**ЭВЕНКИ-ОЛЕНЕВОДЫ КИТАЯ ПОСЛЕ
ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ**
(Рец. на кн.: *Reclaiming the Forest. The Ewenki Reindeer Herders
of Aoluguya* / Ed.: Åshild Kolås, Yuanyuan Xie.
New York; Oxford: Berghahn, 2015. 198 p.)

doi: 10.30759/1728-9718-2019-4(65)-149-151

С 1983 г. в Китае проводится неоднозначная политика так называемого экологического переселения из регионов, затронутых климатическими изменениями, индустриализацией, деградацией среды. В ее рамках переселены уже 200 тыс. чел., в основном кочевники из автономных районов Внутренняя Монголия, Тибет, провинций Хэйлуцзян, Ганьсу, Цинхай и др.¹

Книга «Требуя лес обратно. Эвенки-оленеводы Алагуя» представляет собой первую англоязычную монографию, целиком посвященную эвенкам-оленеводам Китая, попавшим под экологическое переселение. Стоит отметить, что первая классическая монография о северных тунгусах была написана на английском языке русским ученым С. М. Широкогоровым, который в 1915–1917 гг. работал у разных групп эвенков Китая, в том числе среди охотников-оленеводов.²

В прошлом современные эвенки-оленеводы Китая были известны как тунгусы-яко, эвенки-охотники, тунгусы-якутэ. Они проживали в районе Хинганских гор, в исторической области Маньчжурия (современная провинция Хэйлуцзян и часть провинции Внутренняя Монголия КНР), испытали влияние русских, маньчжуров, японцев, китайцев. Сегодня вместе с солонями и хамниганями, а с 1957 г. — ороचनाми, они относятся к официальной национальности «эвенки», чьи родные языки — тунгусо-маньчжурские.

После экологического переселения 2003 г., которое стало для них третьим с момента создания КНР, они проживают на территории автономного района Внутренняя Монго-

лия в п. Новая Алагуя недалеко от г. Гэньхэ. В 2009 г. в поселке проживало 1 548 чел., из которых 243 чел. были записаны эвенками. Более половины эвенков происходят из смешанных браков с монголами, маньчжурами, даурами, китайцами, русскими (с. 5).

Книга состоит из четырех частей и десяти глав. Тексты сгруппированы по четырем темам: встречи, миграции, идентичность, местные голоса. Большинство глав представляют собой самостоятельные статьи, основанные на собранных в разное время полевых материалах их авторов из Китая, Норвегии, Франции, Англии. Принадлежность к разным научным школам и использование разной методологии придают книге своеобразность, показывают разные уровни описания и анализа эвенкинской культуры. При их сопоставлении выясняется достаточно полная, хотя и мозаичная, с нередкими повторами и различными интерпретациями, картина жизни современных эвенков-оленеводов, на которую существенное влияние оказывает политика государства. Сравнительного анализа с другими группами эвенков Китая, Монголии, России в книге почти нет (во введении А. Колас информирует о русскоязычной литературе об эвенках, а А. Дюмон дает пару сравнений).

Глава 1 «От кочевников к оседлым жителям: история эвенков Алагуя (1965–2000)», написанная Сы Циньфу, посвящена историческому аспекту переселений эвенков-оленеводов. После создания КНР нормой становится оседлый образ жизни, а движение связано с миграциями или переселением. Эти переселения китайские авторы описывают в основном в терминах развития, но Сы Циньфу рассматривает их в контексте быстрых и непредсказуемых трансформаций. Автор описывает особенности жизни эвенков в п. Старая Алагуя, последствия введения государственной собственности на оленей в 1967 г., двойной системы собственности на оленей и соглашения о разделе прибыли от оленеводства 1984 г., обращает внимание на сокращение поголовья оленей с 924 в 1992 г. до 585 в 1999 г. и называет его

¹ См.: Su Zhou Relocation to support ecological migrants // China Daily. 2017. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2017-01/23/content_28030111.htm (дата обращения: 18.07.2019).

² См.: Shirokogoroff S. M. Social Organization of the Northern Tungus. Changhai, 1929; Широкогоров С. М. Социальная организация северных тунгусов. М., 2017.

* Работа выполнена по договору ГПХ в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН при поддержке РНФ, проект № 18-18-00309 «Энергия Арктики и Сибири: использование ресурсов в контексте социально-экономических и экологических изменений» (рук. В. Н. Давыдов)

причины: инфекционные заболевания, нападения хищников, браконьерство и др., — упоминая, что чиновники видят эти причины в «примитивных» методах ведения оленеводства (с. 31, 32). Вопрос об уменьшении количества оленей затрагивают и другие авторы. Тан Гэ (гл. 2) отметил потерю оленей во время попытки властей внедрить их стойловое содержание. После нескольких дней, проведенных в поселке, оленеводы с остатками оленей ушли в лес (с. 58). Проекты так называемого избенного оленеводства были известны и в СССР в 1920–1930-е гг. Автор прогнозирует упадок оленеводства из-за недостатка мужского труда. А. Дюмон (гл. 4) связывает сокращение количества домашних оленей в Китае в 2010-е гг. с использованием механизированных средств транспорта (с. 83). Она сравнивает эту ситуацию с сокращением поголовья оленей в России в 1990-е гг. На самом деле в России причинами сокращения поголовья оленей у эвенков были политико-экономический кризис и прекращение патерналистской политики государства в годы перестройки. Влияние срезания рогов в период их роста на жизнеспособность оленей в книге не рассматривается.

А. Колос (гл. 3) размышляет о неопределенном положении эвенков Алагуи и связывает его с противоречиями между политикой неоллиберализма, социализма и энвайронментализма в Китае. Автор подчеркивает, что из-за экологического переселения увеличилась зависимость эвенков от государства, они не имеют законодательных прав на владение оленьими и пастбищами.

Тан Гэ (гл. 2) отмечает, что переход эвенков от охоты к оленеводству (изначально эвенки были охотниками-олeneводцами) произошел под влиянием государственной политики, формально направленной на сохранение экологии, но имеющей целью оседание кочевников. С 2003 г. каждому мобильному лагерю эвенков разрешили оставить одно ружье для отпугивания хищников. Власть видит развитие хозяйства эвенков в рыночных условиях и под опекой государства. По мнению Тан Гэ, эвенки стремятся найти баланс между требованиями властей и потребностями собственной культуры. Они продолжают охотиться с помощью различных ловушек, в том числе зимой, однако в эти ловушки нередко попадают домашние олени. Автор делает вывод, что политика ограничения охоты для улучшения экологии не достигла желаемого результата.

Тан Гэ подчеркивает, что основой социального объединения эвенков остается *урилен*, или кочевой лагерь. Тан Гэ и еще один автор книги А. Дюмон показывают разнообразие и гибкость мобильных социальных объединений эвенков на конкретных примерах и в зависимости от изменений в хозяйственных занятиях и времени года (с. 51).

А. Дюмон (гл. 4) рассматривает, как эвенки поддерживают и приспосабливают свое хозяйство к современной ситуации, перестраивают социальную и пространственную организацию стойбищ путем выстраивания социально-экономических связей с горожанами-китайцами, дает примеры ротации эвенков между поселком и стойбищами (с. 84–86). В новых условиях протяженность перекочевков и их ритм существенно сократились, а сами стойбища оказались связаны с поселком или лесной заставой сетями дорог (с. 87). При перекочевках часто используются автомашины, а движение между городом и лагерем обеспечивают таксисты-китайцы (с. 89), с которыми эвенки вступают в неформальные экономические отношения, что помогает обойти законы и ограничения. Охотничья добыча потребляется внутри домохозяйства и служит источником неформального обмена, а также фигурирует в ритуалах (с. 91).

Глава 5 «Переход из леса к государству. Эвенки Алагуи и их музеи» посвящена вопросам идентичности и культурной репрезентации эвенков-олeneводов. Чжан Жундэ и Бай Ин показали роль государства в музейном строительстве в эвенкийских поселениях. Музей в Новой Алагуе рассматривается ими как инструмент государства, направленный на формирование модернизационного сознания эвенков как части мультиэтнического китайского государства. Одновременно это важный ресурс для воспроизводства этничности. Авторы подчеркивают, что музей в Новой Алагуе перешел к производству визуальных образов эвенкийского культурного наследия на рынок.

Се Юаньюань (гл. 6 «Экологическая миграция и идентичность эвенков») подробно рассматривает, как переселение 2003 г. повлияло на эвенкийскую идентичность в условиях оседлости и новых возможностей переселенцев в поселке. Она делает важный вывод: охотники-эвенки являлись защитниками леса, но местное правительство считало их его разрушителями и инициировало экологическое переселение. «История показывает, что лесная

экосистема никогда не подвергалась угрозе, пока правительство не инициировало масштабную индустриализацию». Охотники сами стали жертвами деградации среды, произошедшей в основном из-за несбалансированных попыток модернизации и развития коммерческой охоты на бывших территориях кочевания эвенков (с. 124–126).

Р. Фрэзер (гл. 7 «Переносное жилище, тайга и туристские парки») описывает типы эвенкийских жилищ в контексте отношений с государством и формирования идентичности, используя феноменологический подход, который, по его мнению, деконструирует понятия традиционное/нетрадиционное. Он отмечает изменение функциональной принадлежности конического жилища (с. 147), что наблюдается и у других групп эвенков.³ Автор считает, что все жилища эвенков относятся к категории народной и мобильной архитектуры, включая и те, что построены в поселке по финскому проекту (с. 151). Р. Фрэзер рассматривает переход эвенков Китая из конического жилища к жизни в палатке как признак интенсификации отношений этой группы эвенков с государством. Однако обстоятельства появления новых

типов жилища различны: эвенки Забайкалья и Дальнего Востока России стали использовать палатки в конце XIX–XX вв. под влиянием контактов с золотодобытчиками.

Голоса местных эвенков зазвучали в заключительной части книги и позволили взглянуть изнутри на сложные и динамичные историю и культуру эвенков-оленоводов Китая (гл. 8–10). Охотник-оленовод Вэй Цзя в стихотворении «Костер» размышляет о прошлом и настоящем своего народа через метафору огня; учительница, этнограф, журналист Гун Юй в биографическом описании «Моя родина» раскрывает особенности формирования памяти и идентичности в смешанной китайско-эвенкийской семье; Гу Синьцзюнь, эвенкийский писатель и общественный деятель, описывает охотничью поездку на р. Быстрая.

В целом книга дает представление о современной культуре эвенков-оленоводов Китая в контексте их взаимоотношений с Китайским государством и будет интересна тем, кто занимается вопросами исследования коренных народов, отношений государства и этнических меньшинств, миграциями и современным номадизмом.

*А. А. Сирина
д.и.н., Институт этнологии и антропологии РАН (г. Москва)*

³ См.: Sirina A. A. *Katanga Evenkis in 20th century and the ordering of their life-world*. Edmonton, 2006; Давыдов В. Н. Стратегии использования пространства и режимы автономности: отношения эвенков и государства на северном Байкале // *Этнография*. 2018. № 2. С. 47–66; и др.